

Х.Н. Бялик

Агада

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
X11

X11 **Х.Н. Бялик**
Агада / Х.Н. Бялик – М.: Книга по Требованию, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-517-83575-8

ISBN 978-5-517-83575-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АГАДА

СКАЗАНИЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНИЯ
ТАЛМУДА И МИДРАШЕЙ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СОСТАВЛЕННАЯ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ
І. Х. РАВНИЦКИМЪ и Х. Н. БЯЛИКОМЪ
АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ

С. Г. ФРУГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. Д. ЗАЛЬЦМАНЪ
БЕРЛИНЪ

Рисунки художника Іосифа Будко

Copyright
by the S. D. Saltzmann Verlag
Berlin 1922

Печать Библиографического Института въ Лейпцигѣ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Введение

*

О притчѣ

*

Сотвореніе міра и первыя поколѣнія

*

Праотцы

*

Рабство и Исходъ

*

Въ пустынь

*

Судьи, Цари, Пророки

*

Разрушеніе Перваго храма

*

Отъ Перваго до Второго храма

ВВЕДЕНИЕ

Въ настоящемъ изданіи собрана большая часть легендъ, притчей и афоризмовъ, разсѣянныхъ на страницахъ обоихъ Талмудовъ (Палестинскаго и Вавилонскаго), Мидрашей и пр.

Время возникновенія такъ называемаго «Устнаго ученія» относятъ къ эпохѣ возвращенія евреевъ изъ Вавилонскаго плѣна. Съ этимъ моментомъ, (начало V в. до хр. лѣтосчисленія) совпадаетъ учрежденіе пророкомъ Ездрую «Великаго Собора», положившаго начало той колоссальной работѣ, которая впослѣдствіи стала извѣстна подъ названіемъ Талмудъ.

Эпоха созиданія Талмуда распадается на три періода: соферовъ (книжниковъ), таннаевъ (учителей) и амораевъ (толкователей).

Дѣятельность соферовъ обнимаетъ періодъ времени отъ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна до 220-го года до хр. лѣтосчисленія. Соферы были собирателями «Устнаго ученія», которое путемъ преданій переходило отъ одного поколѣнія къ другому.

Таннаи (220 до хр. лѣтосчисленія — 220 хр. лѣтосчисл.) продолжаютъ работу соферовъ, приумножаютъ и развиваютъ ее при помощи школъ и академій, учреждаемыхъ въ Палестинѣ. Накопившаяся впродолженіи почти пяти столѣтій масса преданій, законоположеній и миѣній разныхъ талмудическихъ школъ приводится въ систему однимъ изъ послѣднихъ таннаевъ, раби Іегудою Святымъ (конецъ II в.) и кодифицируется подъ названіемъ «Мишна» — второученіе.

Результатомъ дѣятельности амораевъ въ теченіе трехъ столѣтій (200—500) явилась «Гемара» — дополненіе къ Мишнѣ, ея толкованіе и объясненіе.

Мишна и Гемара составляютъ Талмудъ. Послѣдній въ то-же время состоитъ изъ двухъ элементовъ: Галахи и Агады. Галаха — сводъ законодательныхъ нормъ, религіозныхъ и гражданскихъ; Агада — кодексъ обще-этическихъ нормъ. Въ Галахѣ этика обрѣла свою логику, въ Агадѣ — свою философію и поэзію. Трудъ составленія Талмуда завершился, но преемственная работа мысли продолжалась въ тѣхъ-же двухъ основныхъ направленіяхъ. Въ области Галахи, благодаря противорѣчивымъ мнѣніямъ разныхъ школъ, стали возникать новые вопросы, властно требовавшіе отвѣта, въ примѣненіи къ религіозной практикѣ. Разработка этихъ вопросовъ продолжалась потомъ учеными, извѣстными подъ названіемъ сабореевъ и гаоновъ. Въ то-же время изъ Агады сталъ возникать особый родъ письменности подъ названіемъ «Мидрашъ», каковы: Мидрашъ-Раба (на Пятикнижіе и пять мегилотъ), Песикта, Танхума, Тана дебэ Еліагу и друг.

Впродолженіи многихъ вѣковъ совершался этотъ процессъ кристаллизаціи мыслей и грезъ, чувствъ и переживаній многихъ поколѣній еврейскаго народа, то усиливаясь, то ослабѣвая, но не прерываясь и не останавливаясь въ своемъ созидательномъ движеніи.

Передъ нами мозаика удивительной сложности и разнообразія рисунка: рядомъ съ тезисомъ, жесткимъ и непоколебимымъ какъ скала — ласковое, увѣщательное слово добраго, стараго наставника. Элементы (правда, едва намѣченные неопытной рукой) героическаго эпоса пересыпаны трепетными вспышками живого, самороднаго юмора. Тутъ и характеристики личныя и общественныя, и силуэты религіознаго аскетизма, и загадочныя явленія вѣроотступничества, и апоѳеозъ великомученичества. Тутъ-же: картины яркаго реализма, бытового и художественнаго, и рядомъ — едва уловимое мерцаніе далекаго міа; подавляющая мощь и блескъ Откровенія, тяжеловѣсныя проповѣдническіе шаблоны, отчаянный крикъ измученной ду-

ши: «Лучше-бы человекѣ не родиться!» и вѣчная, свѣтлая сказка о свѣтлой и радостной жизни.

И, не смотря ни на сложную мозаичность этой работы, ни на отдаленность другъ отъ друга, по времени ихъ происхожденія, многихъ изъ этихъ притчей и сказаній, всѣ онѣ носятъ одинъ общій характеръ, и сущность ихъ, философская и моральная — одна и та-же повсюду. — Оно и понятно:

Агада представляетъ, въ широкомъ смыслѣ, комментарий къ текстамъ библейскаго повѣствованія. Правда, она расширяетъ рамки послѣдняго, вводитъ новые эпизоды, устанавливаетъ связь между отдаленнѣйшими событіями, лицами, пророчествами, образуетъ — или, по крайней мѣрѣ, усиливается образовать — «обстановку», то бытовую, то мистическую, каждаго момента, каждаго событія. Самый-же трактуемый моментъ, какъ въ его фактическомъ или символическомъ содержаніи, такъ равно и въ моральномъ воздѣйствіи, какое онѣ имѣетъ оказать, долженъ оставаться непоколебимымъ въ сознаніи каждаго, какъ непоколебимо само библейское повѣствованіе или слово пророческое.

Нерѣдко «Агадою» видоизмѣняется весь, установленный исторической традиціей, антуражъ событія, лицамъ приписываются чуждые имъ, казалось-бы, свойства и дѣйствія, общественнымъ группамъ и народнымъ массамъ — размѣры маловѣроятные, иногда прямо сказочные. Но и въ этихъ случаяхъ историческій смыслъ событія сохраняется во всей его ясности и глубинѣ; назидательность-же его, составляющая конечную цѣль всей работы, приобретаетъ особенную выпуклость, полноту и значительность.

И вмѣстѣ съ тѣмъ — какая мощь и ширь миотворческаго размаха и какая трогательная, интимная упрощенность въ обращеніи съ высшими формами мистическаго міропредставленія!

Земной міръ — только преддверіе къ жизни загробной, жизни вѣчной. Да, но міръ этотъ, самъ по себѣ — изумительный шедевръ, дивный филигранъ геніальнѣйшаго мастера. Богъ, Жизнедатель, на херувимахъ Возсѣдающій, Богъ Великій, Сильный и Страшный — не только

«владыка» міра, но также его добрый, бесконечно радушный «хозяинъ». Человѣкъ является не только «вѣнцомъ» творенія, но и первоцѣлью его, и объясненіемъ, и оправданіемъ. Смертному завидуютъ духи бессмертные, для его просвѣтлѣнія и совершенствованія они существуютъ, скорбятъ его скорбями, его радостями ликуютъ. Они берегутъ, обслуживаютъ, лелѣютъ душу его, которая вся — одинъ немолчный аккордъ, одна вѣчно и радостно звучащая пѣснь о мудрости и благодати Господней, о красотѣ и совершенствѣ созданнаго Имъ міра.

Въ трактатѣ «Сотта» приведенъ такой случай: Въ одномъ городѣ поучали народъ одновременно раби Абагу и равъ Хія. Равъ Хія объяснялъ Галаху, и слушатели вскорѣ отошли отъ него и собрались вокругъ р. Абагу послушать притчи Агады. Въ утѣшеніе огорченному р. Хии, р. Абагу обратился къ нему со слѣдующей притчей: — «Пришли въ одно мѣсто два торговца: одинъ продаетъ драгоценные камни, другой — простые, но полезные предметы домашняго обихода. Не натурально-ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, чѣмъ у перваго?»

«Простые, но полезные предметы домашняго обихода», — таковою почиталась «Агада» самими творцами и популяризаторами ея. «Агада» была не только популярной, но въ продолженіи многихъ вѣковъ и единственною формою духовнаго общенія съ массой. Тамъ, гдѣ вся красота и поэзія быта исчерпывались однимъ, окаменѣвшимъ въ своихъ формахъ, ритуаломъ; въ тѣ времена, когда малѣйшій уклонъ въ сторону чужеземнаго и иноплеменнаго почитался за смертный грѣхъ — «Агада» была для народа всѣмъ: она была его кафедрой, его сценой и эстрадой, мистеріей, сказкой, сатирой, торжественной одой и пѣснью колыбельной — свѣтомъ и воздухомъ народной души.

Мужи Великаго Собора, созидаая Талмудъ, говорили: «Дѣлайте ограду вокругъ закона». И въ тѣ, ставшіе историческими, моменты, когда въ духовную жизнь палестинскаго еврейства стала проникать новая проповѣдь съ новыми формулами морали, «ограда» эта должна была сослужить особую службу, въ смыслѣ сохраненія народной ду-

ши во всей ея традиціонной неприкосновенности. Галаха видѣла единственное средство для этого въ высотѣ и неприступности «ограды» и въ крѣпости засововъ и замковъ, ея запирающихъ. Но врядъ-ли это оказалось-бы вполнѣ достаточнымъ, если-бы не вліяніе Агады, которая и ласково-увѣщательною рѣчью, и самою формой этой рѣчи создала внутри ограды атмосферу не холодной, застывшей буквы, но живой, чуткой и подвижной мысли. Евреямъ не было надобности искать у другихъ того, что они находили у себя-же, и въ томъ «новомъ», что имъ сулились дать, для нихъ, такимъ образомъ, не оказывалось ничего дѣйствительно новаго.

Агада пользовалась широкой популярностью въ народѣ. Но это не все. Агада въ то же время являлась несомнѣннымъ продуктомъ народной мысли, народнаго творчества. Патріархъ и кузнецъ, іерей и башмачникъ, ученый математикъ и портной, и простой сельчанинъ, и пекаръ, и могильщикъ, и сынъ поденнаго работника-дровосѣка — вотъ какихъ различныхъ положеній люди были творцами «Агады» и ея популяризаторами. Тутъ совершался процессъ творческаго взаимообмѣна, какъ между росой и туманомъ, между морской влагой и дождевымъ облакомъ. «Агада» черпалась изъ родниковъ народной грезы, и ею-же орошалась нива народнаго сознанія.

Опытъ изданія въ оригиналѣ отдѣльнымъ сборникомъ легендъ и изреченій «Агады» предпринимался неоднократно и въ прежніе годы, но выполнена эта задача, — и выполнена превосходно, — лишь въ послѣднее время, гг. I. X. Равницкимъ и X. Н. Бяликомъ, издавшими «Sefer ha-Agada», куда вошло все, что представляется сколько нибудь цѣннымъ въ этомъ культурно-историческомъ наслѣдіи нашего прошлаго. Работа эта окажетъ неоцѣнимую услугу широкимъ кругамъ еврейскихъ читателей, отъ которыхъ невозможно требовать непосредственнаго обращенія къ первоисточникамъ.

Тѣмъ болѣе насущною представлялась потребность въ появленіи такого изданія на русскомъ языкѣ. Огромной части нашего поколѣнія, а главное — болѣе свѣжимъ и чут-

нимъ его элементамъ — современной еврейской молодежи (за малыми исключеніями), древнееврейскій языкъ совершенно не знакомъ, и тутъ никакія антологіи, разъ онѣ изданы на языкѣ подлинника, помощи не окажутъ.

И мы издаемъ эту книгу въ надеждѣ, что она найдетъ читателей въ этой именно средѣ, открывъ передъ нею обширную область народнаго мышленія, тысячелѣтнюю сокровищницу національных цѣнностей.

И какъ знать, быть можетъ, въ наше время, время мучительныхъ «бореній» и «исканій», найдется кое-что назидательное и для объективной мысли въ этомъ памятникѣ народнаго творчества далекаго прошлаго.

Въ распредѣленіи матеріала мы придерживались слѣдующаго порядка: въ I части помѣщены матеріалы историческія, отъ сотворенія міра до эпохи Второго храма; часть II содержитъ жизнеописаніе танняевъ и амораевъ; часть III — культурно-историческое достояніе народа и этику религіозную и національную; часть IV — отношенія личныя и соціальныя; отношенія человѣка къ природѣ и пр.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетомъ легенды взято событіе изъ библейской или исторической хроники и планомѣрность повѣствованія нарушена излишними повтореніями, мы брали только тѣ моменты, которые являются болѣе существенными въ данномъ сюжетѣ, опуская остальное, какъ лишній балластъ, только заслоняющій коренную мысль повѣствованія.

Наиболѣе популярныя имена и названія мѣстностей мы передаемъ по русско-греческому произношенію, прочія имена и названія — въ транскрипціи болѣе близкой къ ихъ еврейскому произношенію.

